

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 0. Никто..... 5

Часть I. По дорогам Бирентии

Глава 1. Ребенок 45

Глава 2. Пик Кошки..... 69

Глава 3. Мафальда 96

Глава 4. Зеленые огни 116

Глава 5. Сделки 143

Глава 6. Летучая гавань..... 179

Глава 7. Ночь Огней..... 204

Часть II. Слепой Судья

Глава 8. Блюстители	239
Глава 9. Тайник	293
Глава 10. Джонован Вайс	321
Глава 11. Слепой Судья	347
Глава 12. Дом	411

Глава 0

НИКТО

Когда я пришла в себя, надо мной чернело звездное небо. Сначала мне показалось, что звезды – совсем близко ко мне, и я протянула руку, чтобы их коснуться. Ничего не вышло, зато я обнаружила, что пальцы перед лицом расплываются и дробятся.

Некоторое время я продолжала бездумно лежать, слушая рокот волн и жадные крики птиц, чувствуя прикосновения ветра, жесткость гальки под спиной – и запахи. Десятки, сотни запахов. С непривычки это сбивало с толку. Морская соль, гниющие водоросли, остывающий от дневного солнца песок, камни, дым, хвоя, кора, цветущие кусты – я не могла вспомнить, как именно они называются.

Я бы лежала так и дольше, но стало холодно. Пришлось осторожно, медленно подняться – руки

и ноги не слушались, тряслись мелкой дрожью, и меня слегка знобило — может, от лежания на камнях. Я понятия не имела, как долго пробыла на побережье.

Кругом был мрак — черное небо над головой, черное море за спиной, черный лес впереди. Ничего похожего на человеческое жилье — ни дыма над одинокой хижинкой, ни отдаленного шума приморского города, ни света маяка.

Необходимо было найти хоть кого-то, чтобы попросить помощи, чтобы рассказать... о чем?

Я тщательно осмотрела себя. Длинные светлые волосы — в темноте они казались совсем белыми. Очень бледная кожа — я могла различить прожилки вен на внутренней стороне запястья. Худоба — впалый живот, выпирающие ключицы. Маленькая грудь. Внутреннее чутье, повинувшись которому я думала о себе в женском роде, не подвело: я определенно была женщиной, но, судя по всему, очень молодой. Девушкой. Возможно, почти девочкой.

Высокой или низкой? Не с кем было сравнить.

Одета я оказалась в простые штаны теплого, кирпичного цвета и такую же рубашку с завязками на груди. На ногах — веревочные сандалии; неудивительно, что пальцы совсем заледенели.

Я сделала несколько неуверенных шагов в сторону леса и заметила большую белую птицу, которая сидела на древней серой коряге, торчавшей из песка. Через несколько мгновений в голове всплыло название птицы — «чайка».

Чайка смотрела мрачно, и в ее крепком желтом клюве мне почудилась угроза. Я почувствовала

запах птицы — тяжелый, резкий, неприятный. К нему примешивался душок тухлой рыбы.

— Я тебе зла не желаю, — сказала я и впервые услышала свой голос — гортанный, высокий. На чайку он не произвел никакого впечатления: она только склонила голову набок и быстро моргнула, затянув желтые глаза морщинистыми серыми веками.

— Пойду к лесу, — сообщила я чайке, чтобы наверняка убедить ее в своей безобидности. — Может, найду других... — я несколько секунд потратила на то, чтобы вспомнить, как назывались «другие», — людей. Не то чтобы мне не нравятся чайки... Но вряд ли у тебя найдется еда?

И тут же — вспомнив о существовании еды — я почувствовала, что голодна.

Чайка ничего не ответила. Конечно, я помнила, что птицы не умеют говорить, — и все-таки теперь одиночество ощущалось еще острее.

— Позволь представиться, — сказала я, решив, что, если пошучу — пусть даже никто, кроме чайки, не услышит, — мне станет легче. — Меня зовут...

И тут я поняла, что не помню своего имени... Как и многого другого. И если названия всего, что я видела вокруг, постепенно всплывали в памяти, то собственное имя оставалось чернеющим провалом.

— Я сейчас вспомню, — заявила я чайке. — Только...

— Не старайся. — У меня за спиной хрустнула ветка, и чайка тут же подпрыгнула, тяжело взмахивая крыльями, и полетела в сторону моря.

Я обернулась. Человек, стоявший у меня за плечом, появился будто из ниоткуда. Одет он был еще хуже, чем я: его серый балахон был весь в прорехах и потертостях. В сумке через плечо, судя по запаху, лежали сухие водоросли. Он был босым – видимо, морская прохлада была ему нипочем.

Я смутно помнила, что люди должны выглядеть иначе. У людей не должно быть таких кроличьиных глаз, белоснежных волос, прозрачной кожи. И с чертами лица было как будто что-то не так – они ускользали от взгляда, казались слишком тонкими, слишком простыми... Впечатление создавалось такое, будто, лепя это лицо, кто-то руководствовался самыми нейтральными представлениями о том, как должен выглядеть человек. Это делало стоявшего передо мной мужчину не уродливым, а скорее... безликим. Ни родинок, ни шрамов; в лице – идеальная симметрия. И рот, и нос, и глаза, окрашенные белыми ресницами, с белыми тонкими бровями над ними, – все усредненное, никакое.

– Здравствуйтесь, – пробормотала я, делая маленький шаг назад. В конце концов, я не могла знать, чего ожидать от этого человека. – Как вас зовут?

Человек нахмурился:

– Ты, видно, только пришла в себя, так, что ли, да?

Я неуверенно кивнула.

– Вот уж повезло так повезло, – пробормотал он. – Удивительное совпадение. Ладно... Можешь звать меня Никто. Неплохое имя, а? Тебе придется придумать себе другое. Это занято. Я сам его выдумал.

— О, — осторожно отозвалась я. — Понятно. Хорошо. — Я подумала, что у Никто определенно не все дома, — впрочем, сейчас и я была немного не в себе.

Но он мог помочь мне. Может быть, даже знал, что именно со мной произошло — и кто я такая.

— Что ж, — сказал он, поправляя сумку, — идем со мной, раз так. Пустышки должны помогать друг другу, а? Но только если от тебя не будет проблем, — вдруг добавил он. Вид у него стал обеспокоенным, а голос зазвучал почти умоляюще. — Ведь не будет, а?

— Нет-нет. Конечно, не будет.

— Вот и хорошо. — Никто впервые улыбнулся, отчего лицо его стало еще более странным, а потом поманил меня за собой. — Тогда пошли.

И я побрела за ним в сторону леса. Некоторое время мы шли плечом к плечу, но потом узкая тропинка, петлявшая среди тощих сосен, вынудила меня пойти за ним следом. Двоим здесь было не разойтись. Может, кроме Никто, здесь никто и не ходил?

Мы шли, должно быть, с четверть часа — я вспомнила, что кроме часов бывают секунды, минуты и дни, — а потом свернули за невысокий кустарник, скрывающий еще одну тропу, уже прежней.

Никто начал напевать — я вздрогнула от неожиданности. В его песенке не было слов, только мотив, и он тянул его на одной высокой, тоскливой ноте. Было в этом что-то безнадежное, тревожное. Я старалась не слушать.

В общем, мне было на что отвлечься. Вот бурая птичка — листовянка. Темно-синий лоскуток,

плавно спикировавший откуда-то сверху и растворившийся во мраке, — летучая мышь. Длинное черное создание, мелькнувшее в траве, — змея. Я успела почувствовать ее запах — отвратительный, как и она сама, — и содрогнулась.

— Зловонные создания, — сказал Никто, не обращившись, — эти змеи, да?

Ступая на несколько шагов впереди меня, бубня свой монотонный мотив, он почувствовал запах змеи в траве — или услышал шуршание — и безошибочно определил его источник?

— Кто вы такой?

Он погрозил мне пальцем через плечо:

— Не так быстро, маленькая пустая. Не все сразу! Любопытство! Любопытство! Любопытство еще никого не довело до добра, что бы там ни твердили служители Отпустившего.

Я сразу почувствовала, что, если бы Никто решил записать свои слова, «Отпустивший» был бы написан с заглавной буквы...

И тут же я вспомнила о буквах. Я определенно умела писать и читать, но, как ни силилась, пока не смогла бы назвать ни одной прочитанной книги. Будто устав от усилий, заболела голова.

Как-то внезапно из-за кустов на нас выпрыгнула хижина. Невысокая и покосившаяся на один бок, с глиняными стенами, увитыми ползучими растениями, которые почти полностью скрывали ее от посторонних глаз, с выдавшей виды соломенной крышей и темным остовом того, что когда-то было изгородью. Я заметила, что к паре опиравшихся друг на друга досок привязан пучок пятнистых перьев и тонких птичьих косточек.

— Что это?

— Ох уж это любопытство... — снова пробормотал Никто. — Это оберег. Я собрал его сам. С ним меня не найдут, не найдут... Повезло тебе, маленькая пустая, очень повезло... Ну, хватит глазеть и стоять на пороге. Заходи.

Вслед за ним я пересекла заваленный хламом двор и зашла в хижину. По сравнению с Никто я была очень невысокой, но даже мне пришлось пригнуться, входя.

Внутри было еще хуже, чем снаружи. Каменная кособокая печь, темный дым от которой стлался по полу, стены, закопченные до черноты, грязный пол. В одном углу — куча тряпок, служившая постелью. В другом — деревянный стол, заваленный одеждой и утварью вперемешку, и ящик, который Никто, видимо, использовал вместо табурета.

Пахло тут ужасно.

— Давненько я не прибирался, — усмехнулся Никто, бочком, как краб, пробираясь к столу. — Зато у меня есть еда. Настоящий хлеб. Я добыл его, целую краюху, и теперь осталось мало — но я дам тебе кусочек, маленькая пустая, если ты расскажешь мне все, что помнишь. Видишь, я тоже могу быть любопытным, да-да, могу...

Он дал мне каменную на ощупь краюшку и поставил на угли в очаге котелок с вмятиной на боку, куда бросил пучок сухих трав. Уже через минуту в лачуге стало пахнуть лучше.

— Отвар согреет тебя. А пока можешь взять плед, закутаться и сесть поближе к очагу...

Мне не хотелось показаться неблагодарной, поэтому я стянула с ложа нечто грязное и местами

дырявое и, накинув этот «плед» на плечи, уселась прямо на пол — потому что ящик занял Никто, а больше ничего, похожего на стулья, в хижине не было. От очага ко мне текли тепло и запах трав, и, не без труда вонзив зубы в краюшку, я почувствовала себя почти счастливой. Хлеб оказался невероятно вкусным — я долго перекачивала каждый кусочек во рту, прежде чем разжевать и проглотить.

— Я ничего не помню. Открыла глаза — а я лежу на берегу, на камнях... Я пошла в сторону леса. Думала найти людей. А потом встретила вас.

Никто разочарованно вздохнул:

— Так я и думал, но все равно надеялся на историю поинтереснее. Думаешь, часто мне выдается такая возможность, маленькая пустая?

— Почему вы все время называете меня пустой? — спросила я наконец, прикончив хлеб. — Мне это не нравится.

— А кому бы понравилось? — Никто пожал плечами. — Но придется привыкать. — Он поднялся со своего ящика и принялся рыться в горе хлама на столе, приговаривая: «Сейчас... Где-то оно точно было... Да-да», — пока что-то под его пальцами ломалось, хрустело, шуршало и шелестело.

— Ага! Вот оно, наконец!

Я рефлексивно отшатнулась, увидев, что в его руке блестит что-то острое, и Никто хихикнул.

— Не бойся. Это просто зер-ка-ло, видишь? Зеркало. Чтобы смотреть на себя.

Треугольный осколок и впрямь немудрено было принять за оружие. Я осторожно приняла его из рук Никто и взглянула на себя.

Мои волосы не «казались» белыми — они действительно были такими. Белой была и кожа, и брови, и ресницы. Даже губы — они лишь немного розовели. Глаза были не ярко-алыми, как у Никто, скорее темно-бордовыми, как спелые черешни, — и все равно смотрелось это жутко, неестественно, отталкивающе. Черты моего лица были такими же неправдоподобно-симметричными, как у хозяина хижины.

Я не помнила, как выглядела до того, как очутилась на берегу... Но точно не так. Не так!

— Что это? — прошептала я, едва ворочая языком. — Что?..

Никто вытащил осколок зеркала из моих ослабевших пальцев и вложил в руки жестяную кружку, над которой поднимался душистый пар.

— Вот, выпей. Выпей-выпей, все равно уже ничего не сделаешь — а так хоть согреешься и душу отведешь...

Я машинально и покорно сделала глоток — и почувствовала, как почти сразу же отвар Никто начал дурманить голову. Меня потянуло в сон, а увиденное в зеркале перестало казаться таким уж страшным. Огонь в очаге разгорелся ярче, от него шел жар. Я сделала еще глоток и расслабилась, позволяя теплу растекаться по жилам. Завороженно я изучала собственную руку — яркую карту вен на белоснежном запястье.

— Спи тут, у очага, — сказал Никто, и его голос донесся до меня издали, как сквозь подушку. — Да-да, спи до утра, раз уж так вышло, маленькая пустая. От одной ночи проблем быть не должно, ведь так? Мне проблемы не нужны, не нужны... Да-да...

Я с трудом сделала еще один глоток и оставила чашку в сторону. Пол был твердым, но теплым и сухим. Никто снова затянул свою бессловесную песню. Я уснула.

* * * *

Никто был осторожен — и уж конечно, подбирая меня на том пустынном берегу, не планировал пускать под свой кров надолго. Судя по диковатому виду, он уже очень давно жил один.

Много раз он повторял, как важно сторониться людей, — но, думаю, в конечном счете устал от одиночества.

Как и я, он ничего не помнил о прошлом. Сам он пришел в себя в подвале городского дома и почти сразу столкнулся с людьми. Эта встреча и дальнейшее пребывание в городе, о котором он толком не рассказывал, раз и навсегда отбили у него желание продолжать водить с ними знакомство.

— Они ненавидят нас! — говорил Никто, уча меня ставить силки в лесу или вязать сетки для ловли морской рыбы. — Ненавидят всех пустых — безо всякой причины, да-да! Только за то, какие мы есть. Все из-за надмагии... Когда я вылез из того подвала и подошел к первому же попавшемуся...

Я быстро усвоила, что за этим предисловием всегда следует невеселая история о криках, оскорблениях и камнях, один из которых угодил Никто в голову. Неизвестно, тронулся ли он умом именно тогда или это случилось раньше — когда он стал пустым.

Несмотря на недуг, он многое умел, и умел хорошо — ловить рыбу и охотиться, ставить ловушки и прятаться в лесу, сушить травы и делать из них мази и порошки, большая часть которых пылилась потом в пузырьках на столе среди хлама. Но не раз мне пришлось убедиться в их эффективности.

Всему этому Никто начал учить меня уже через пару недель — видимо, смирился, что я здесь надолго. Вместе мы добывали еду и бесконечно чинили хижину, которая, казалось, могла развалиться от порыва ветра. Никто не сам построил ее — нашел заброшенной и поселился здесь, не дождавшись хозяев. Кто жил в ней прежде, он не знал, но предполагал, что это был одинокий отшельник, поклонявшийся Отпустившему богу без посредничества храмовых служителей. К такому выводу Никто пришел, обнаружив за печью целую стопку религиозных изданий — и Крылатую книгу, и многочисленные истории о чудесах Отпустившего, и собрания молитв и подробнейших руководств о проведении ритуалов.

— Не читай эту чушь, — бормотал он, опасливо косясь на меня каждый раз, когда видел с книгой. — Надо было сжечь все это давным-давно, да-да-да...

Думаю, несмотря на презрение к служителям культа, сжечь книги Никто попросту побоялся.

Я читала их все, а Крылатую книгу — даже несколько раз, потому что ничего другого у Никто не было — а мне ужасно понравилось читать, хотя я понятия не имела, любила ли это раньше. Кроме того, мне хотелось дополнить свои представления об устройстве мира — за пределами нашего леса.

Рассказов Никто не всегда было достаточно — он отвечал на мои вопросы редко и неохотно.

Тем не менее от него я узнала, что страна, в которой мы находимся, называется Бирентией. Имени здешнего правителя Никто не помнил или не знал, но говорил, что за него частенько принимает решения некий Слепой Судья, наделенный огромной властью, и что возвысился он после большой войны, которая долгие годы шла между Бирентией и соседней страной, Артой. Из-за чего конкретно началась война, Никто объяснить не сумел, но упомянул надмагов, умеющих взывать к силам, заключенным в природе, и ставить их себе на службу. Надмагов в Арте любили, а в Бирентии нет, и это стало одним из поводов для затяжного конфликта. Звучало дико и подозрительно; с другой стороны, некоторые истории в Крылатой книге были не лучше.

— Не любят здесь надмагов неспроста, — говорил Никто, назидательно поднимая палец. — На какие только злодейства они не способны... Ведь и пустых — вот таких, как мы, — тоже делают надмаги. После войны их было очень много, но одних убили, другие умерли сами. Здоровье у таких, как мы, слабое, да-да... Поэтому учись, учись, маленькая пустая. Травы и корешки — да-да — могут спасти тебе жизнь.

— Как это «делают»?

— А? — Если я перебивала его, Никто замирал, растерянно хлопая глазами, и долго не мог поймать ускользнувшую мысль.

— Ты сказал, что пустых «делают» надмаги. Как это?

— А! — Его помутневший взгляд прояснился, и он радостно улыбнулся. — Страшные проклятия. Чтобы их делать, нужен материал — люди... Из отработанного материала пустые и получают. Долго не живут, болеют... Но некоторым везет. Например, нам с тобой повезло.

— У меня от солнца глаза режет, — пожаловалась я. — И кожа как будто зудит и чешется...

Никто только рукой махнул:

— Все это мелочи. Бывает куда хуже. Если ты не кашляешь кровью и кости у тебя не ломаются от каждого движения — считай, повезло, да-да. Ты выглядишь совсем здоровой — если будешь осторожна, можешь прожить лет пятьдесят. Почти как человек... Дольше наши живут редко — но вдруг тебе повезет? Дольше — редко, да-да... Я слышал от другого... Тоже пустого. Встретил его до того, как прийти сюда.

— Расскажи мне о нем. — Но Никто потряс головой и надолго умолк.

Как-то, когда мы вместе чинили сети на берегу, я спросила Никто о запахах.

— Другие люди чувствуют их так же, как я? Запахи земли, змей, реки... Так же остро и сразу все?

— Нет. Надмагия многое забирает у пустых, но кое-что отдает взамен, да... Думаешь, можешь чують только запахи травок и грязи, а? Ты можешь чують страх. Боль. Надмагию. Только нужно научиться отличать их друг от друга. Пустые на солнце щурятся — но во мраке и во втором слое видят больше, чем люди. Это все потому, что в нас остались следы надмагии.

— Во втором слое?

— Я это придумал, — с заметной гордостью отозвался Никто. — Если знать, как смотреть, можно увидеть больше. На это способна кошка или черная кобыла. Люди — нет. Они живут только в первом слое, да-да... Видят мало. Глупые. Плохие... — Лицо его исказилось, как от сильной боли, и я поспешила перевести разговор на другую тему.

— Как смотреть? Ты расскажешь мне?

Никто хитро заулыбался. Он любил, когда я его упрашиваю, но в этот раз ответил почти сразу.

Отложив в сторону сеть, он долго рылся в бездонных карманах мешковатых брюк, пока наконец не извлек осколок синего стекла.

— Вот, — торжественно произнес он, вручая мне стекло. — Смотри сквозь него. Синий цвет помогает нашим глазам... Делает скрытое явным.

— И все? Так просто? — Я осторожно взяла стеклышко и посмотрела сквозь него на море. Темные, тревожные волны потемнели еще сильнее, но в целом все осталось как прежде. Я перевела взгляд на лес. Скрюченные ветки, лоскуты мха, мокрая полоса песчаного пологого пляжа...

— Я ничего не вижу.

— А это потому, что там ничего и нет. — Никто вернулся к сетям, резко потеряв к разговору всякий интерес. — Ну, хватит. Бери сети, маленькая пустая. Рыба сама в котелок не прыгнет.

— Не называй меня маленькой пустой.

— Тогда придумай себе имя, маленькая пустая. — Никто хихикнул. — Никтошка? Пустышка? Безымянная девчонка?

– Я найду себе имя получше, – пробормотала я. Синее стеклышко разочаровало меня, и насмешки Никто окончательно испортили настроение. – Например, в Крылатой книге.

– Все еще читаешь ее? Надо было давно выбросить эту мерзость. Да-да, выбросить!

Я не разделяла негодование Никто.

Мне нравилась Крылатая книга, ее пожелтевшие ломкие страницы с причудливыми картинками, странные истории, смысл которых не всегда был понятен, но завораживал.

Я нашла уютное местечко для чтения – у берега моря, на небольшом, но крутом обрыве, в гнезде из корней сосны, высоких и суставчатых, как ноги гигантского насекомого... Как будто сосна пыталась вылезти из земли и убежать прочь. Солнце нагревало песок под ней, а небо над золотистым прямым стволом было особенно высоким и синим. Вдыхая запахи хвои, тепла и соли, я уходила в чтение с головой. В такие моменты я чувствовала себя почти счастливой, и мне казалось, что, возможно, именно так и стоит прожить отпущенный мне срок – вдали от шума внешнего мира, вместе с Никто, который, несмотря на ворчание, любил меня; я знала.

Крылатая книга повествовала о том, как давным-давно бог принял решение перестать опекать людей – и по своей воле отпустил из прекрасного сада, на который была похожа жизнь под его защитой. Против этой идеи выступил Гневный бог, но Отпустивший победил в противостоянии. Он подарил людям свободу воли и выбора, принял имя «Отпустившего» – раньше его, выходит, звали

иначе, но в книге не говорилось, как именно, — и со временем предоставил их собственной судьбе.

Я читала истории о прекрасной Ленне, которая первой подарила людям науку. Сам Отпустивший бог выбрал ее и учил вместе с другими десятью последователями.

Читала о том, как его ученики строили города, воздвигали храмы в его честь, учили и лечили, изобретали и созидали — пока наконец Отпустивший не счел, что дальше люди справятся и без него.

Многие истории в Крылатой книге рассказывали о надмагах — о том, как своим умением говорить с природой и использовать ее силу они оскорбили все, что было свято для последователей Отпустившего. Их силы не имели отношения к науке, не управлялись разумом — и, может, оттого так часто выходили из-под контроля и несли миру разрушение и смерть.

Я читала о страшных эпидемиях и катастрофах, устроенных ими, и все острее ощущала собственную, маленькую катастрофу — все сильнее злилась на то, что они сделали со мной.

В честь угодной Отпустившему Ленны я взяла свое первое имя — первое, но далеко не последнее. Правда, тогда я не могла об этом знать. Читая странные сказки Крылатой книги, прижимаясь к нагретой солнцем сосновой коре, я мало думала о будущем, как будто само собой разумелось, что у меня его не было — так же, как и прошлого. До поры до времени меня не беспокоило ни то ни другое. Я жила в настоящем моменте — но по крупичкам вытягивала из Никто

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru